

Ненастье

В темные окна стучали крупные дождевые капли. Это был один из тех противных дачных дождей, которые обыкновенно, раз начавшись, тянутся долго, по неделям, пока озябнувший дачник, привыкнув, не погружается в совершенную апатию. Было холодно, чувствовалась резкая, неприятная сырость. Теща присяжного поверенного Квашина и его жена, Надежда Филипповна, одетые в ватерпруфы и шали, сидели в столовой за обеденным столом. На лице старухи было написано, что она, слава богу, сыта, одета, здорова, выдала единственную дочку за хорошего человека и теперь со спокойного совестию может раскладывать пасьянс; дочь ее, небольшая полная блондинка лет двадцати, с кротким малокровным лицом, поставив локти на стол, читала книгу; судя по глазам, она не столько читала, сколько думала свои собственные мысли, которых не было в книге. Обе молчали. Слышался шум дождя, и из кухни доносились протяжные зевки кухарки.

Самого Квашина не было дома. В дождливые дни он не приезжал на дачу, оставался в городе; сырая дачная погода дурно влияла на его бронхит и мешала работать. Он держался того мнения, что вид серого неба и дождевые слезы на окнах отнимают энергию и нагоняют хандру. В городе же, где больше комфорта, ненастье почти не заметно.

После двух пасьянсов старуха смешала карты и взглянула на дочь.

Я загадывала, будет ли завтра хорошая погода и приедет ли наш Алексей Степаныч, сказала она. Уж пятый день, как его нет... Наказал бог погодой... Надежда Филипповна равнодушно поглядела на мать, встала и прошлась из угла в угол.

Вчера барометр поднимался, сказала она в раздумье, а сегодня, говорят, опять падает.

Старуха разложила карты в три длинных ряда и покачала головой.

Соскучилась? спросила она, взглянув на дочь.

Конечно!

То-то я вижу. Как не соскучиться? Уж пятый день его нет. Бывало, в мае, самое большое два дня, ну три, а теперь шутка ли? пятый день! Я ему не жена и то соскучилась. А вчера, как сказали мне, что барометр поднимается, я для него, для Алексея Степаныча-то, велела цыпленка зарезать и карасей почистить. Любит он. Покойный твой отец видеть рыбы не мог, а он любит. Всегда с аппетитом кушает.

У меня за него сердце болит, сказала дочь. Нам скучно, а ведь ему, мама, еще скучнее.

Еще бы! Донь-денской по судам, а ночью, как сыч, один в пустой квартире. И что ужасно, мама, он там один, без прислуги, некому самовар поставить или воды подать. Почему бы не нанять на летние месяцы лакея? Да и вообще к чему эта дача, если он не любит? Говорила ему не нужно, так нет. Для твоего, говорит, здоровья. А какое мое здоровье? Я и болею-то оттого, что он из-за меня такие муки терпит.

Глядя через плечо матери, дочь заметила ошибку в пасьянсе, нагнулась к столу и стала поправлять. Наступило молчание. Обе глядели в карты и воображали себе, как их Алексей Степаныч один-одинешенек сидит теперь в городе, в своем мрачном, пустом кабинете и работает, голодный, утомленный, тоскующий по семье...

А знаешь что, мама? сказала вдруг Надежда Филипповна, и глаза ее засветились. Если завтра будет такая же погода, то я с утренним поездом поеду к нему в город! По крайней мере я хоть об его здоровье узнаю, погляжу на него, чаем его напою.

И обе стали удивляться, как эта мысль, такая простая и легко исполнимая, раньше не приходила им в голову. До города всего полчаса езды, да потом на извозчике минут двадцать. Они поговорили еще немного и, довольные, легли спать, вместе в одной комнате.

Охо-хо-хо... Господи, прости нас грешных! вздохнула старуха, когда часы в зале пробили два. Не спится!

Ты не спишь, мама? спросила дочь шёпотом. А я всё об Алеше думаю. Как бы он своего здоровья не испортил в городе! Обедает он и завтракает бог знает где, в ресторанах да в трактирах.

Я и сама об этом думала, вздохнула старуха. Спаси и сохрани, царица небесная. А дождь-то, дождь!

Утром дождь уже не стучал в окна, но небо по-вчерашнему было серо. Деревья стояли печальные и при каждом налете ветра сыпали с себя брызги. Следы человеческих ног на грязных тропинках, канавки и колеи были полны воды. Надежда Филипповна решила ехать.

Кланяйся же ему, говорила старуха, укутывая дочь. Скажи, чтоб не очень-то по своим судам... И отдохнуть надо. Пускай, когда на улицу выходит, шею кутает: погода спаси бог! Да возьми ему туда цыпленка; домашнее, хоть и холодное, а всё же лучше, чем в трактире.

Дочь уехала, сказав, что вернется с вечерним поездом или завтра утром. Но вернулась она гораздо раньше, перед обедом, когда старуха сидела у себя в спальне на сундуке и, подремывая, придумывала, что бы такое изжарить к вечеру для зятя.

Дочь, войдя к ней в комнату, бледная, расстроенная, и не сказав ни слова, не

снимая шляпы, опустилась на постель и прислонилась головой к подушке. Да что с тобой? изумилась старуха. Отчего так скоро? Алексей Степаныч где? Надежда Филипповна подняла голову и сухими, умоляющими глазами поглядела на мать.

Он обманывает нас, мама! проговорила она.

Да что ты, Христос с тобой! испугалась старуха, и с ее головы сполз чепец. Кто станет нас с тобой обманывать? Помилуй, господи!

Он обманывает нас, мама! повторила дочь, и подбородок у нее задрожал.

Откуда ты взяла? крикнула старуха, бледнея.

Наша квартира заперта. Дворник говорит, что в эти пять дней Алеша ни разу домой не приходил. Он не дома живет! Не дома! Не дома!

Она замахала руками и громко заплакала, произнося только:

Не дома! Не дома!

С нею сделалась истерика.

Что же это такое? бормотала старуха в ужасе. Ведь он же писал третьего дня, что из дому не выходит! Ночует он где? Святители угодники!

Надежда Филипповна ослабела и не могла даже снять с себя шляпу. Точно ей дали дурману, она бессмысленно поводила глазами и судорожно хватала мать за руки.

Нашла кому поверить: дворнику! говорила старуха, суетясь около дочери и плача. Экая ревнивая! Не станет он обманывать... Да и как он смеет обманывать? Разве мы какие-нибудь? Мы хоть и купеческого звания, а он не имеет права, потому что ты ему законная жена! Мы жаловаться можем! Я за тобой двадцать тысяч дала! Ты не бесприданница!

И старуха сама разрыдалась и махнула рукой, и тоже ослабела, и легла на свой сундук. Обе они не заметили, как на небе показались голубые пятна, разрединись облака, как в саду по мокрой траве осторожно скользнул первый луч, как повеселевшие воробьи запрыгали около луж, в которых отражались бегущие облака.

К вечеру приехал Квашин. Перед выездом из города он побывал у себя на квартире и узнал от дворника, что в его отсутствие приезжала жена.

А вот и я! сказал он весело, входя в комнату тещи и делая вид, как будто не замечает заплаканных, суровых лиц. А вот и я! Пять суток не видались!

Он быстро поцеловал руки жене и теще и, с видом человека, который рад, что покончил с тяжелой работой, повалился в кресло.

Уф! сказал он, выпуская из легких весь воздух. То есть, вот как замучился!

Едва сижу! Почти пять суток... день и ночь жил, как на бивуаках! На квартире ни разу не был, можете себе представить! Всё время возился с конкурсом Шипунова и Иванчикова, пришлось работать у Галдеева, в его конторе, при магазине... Не ел, не пил, спал на какой-то скамейке, весь иззябся... Минуты

свободной не было, некогда было даже у себя на квартире побывать. Так, Надюша, я и не был дома...

И Квашин, держась за бока, точно у него от работы болела поясница, искоса поглядел на жену и тещу, чтобы узнать, как подействовала его ложь, или, как он сам называл, дипломатия. Теща и жена поглядывали друг на друга с радостным изумлением, как будто нежданно-негаданно нашли драгоценность, которую потеряли... Лица у них сияли, глаза горели...

Голубчик ты мой, заговорила теща, вскакивая, что же это я сижу? Чаю! Скорей чаю! Может, есть хочешь?

Конечно, хочет! сказала жена, срывая с своей головы платок, смоченный в уксусе. Мама, подавайте скорей вино и закуску! Наталья, собирай на стол! Ах, боже мой, ничего не готово!

И обе, испуганные, счастливые, засуетились, забегали по комнатам. Старуха не могла уже без смеха глядеть на дочь, которая оклеветала ни в чем не повинного человека, а дочери было совестно...

Скоро стол был накрыт. Квашин, от которого пахло мадерой и ликерами и который еле дышал от сытости, жаловался на голод, насильно жевал и всё говорил про конкурс Шипунова и Иванчикова, а жена и теща не отрывали глаз от его лица и думали:

Какой он у нас умный, ласковый! Какой он красивый!

Важно! думал Квашин, ложась после ужина на большую пухлую перину. Хоть и купчихи они, хоть Азия, а всё же есть своеобразная прелесть, и день-два в неделю можно провести здесь со вкусом...

Он укрылся, согрелся и проговорил, засыпая:
Важно!